

УДК 321.96

ФИЛОСОФСКИЙ РАЗУМ

В. В. Варава

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 5 мая 2012 г.

Аннотация: в работе раскрывается автономность и уникальность философского разума, который, в отличие от научного разума, религиозной веры и здравого смысла, способен постигать бытие на собственных основах, выполняя, тем самым, исконное философское задание, совпадающее с человеческим как таковым.

Ключевые слова: философия, наука, религия, искусство, парадокс философии, разум, интеллект, мышление, сознание, понимание, мудрость, бытие.

Abstract: the paper reveals the autonomy and uniqueness of a philosophical mind, which in contrast to scientific reason, religious faith and common sense, being able to comprehend the basics on their own, doing thus, the age-old philosophical task, which coincides with the human as such.

Key words: philosophy, science, religion, art, paradox of philosophy, mind, intellect, thinking, consciousness, understanding, wisdom, being.

Светильнику небес был разум равносильен...

Верхарн

Существует давнее мнение полагать философию рассудочной или, как чаще говорят, рациональной деятельностью, присущей исключительно человеческому разуму. Поскольку последний значительно ограничен в своих возможностях, а очень часто просто бессильен, то философия соответственно воспринимается как сугубо человеческие попытки постичь истину и смысл, исходя из рациональных возможностей, что заведомо обречено на провал. Для разума просто неосуществимо многое из того, что связано с истиной, абсолютном, и в этом смысле философия выставляется как «история человеческих заблуждений», сотканная из бесчисленных ошибочных мнений, так никогда и не достигающая цели своих стремлений.

2012. № 1

22

Такое представление в той или иной мере принадлежит и научному мышлению, и религиозному сознанию, и художественному воображению, да и просто неискушенному и не замешанному ни в каких «культурных деяниях» массовому человеку.

Сильна традиция культуры считать философию продуктом интеллектуальным, противопоставляя ее как бы более высокому и глубокому религиозному откровению или эстетическому вдохновению-озарению, которые, естественно, не ограничиваются рациональной деятельностью и выходят к неотмирным вершинам сверхчеловеческого Духа. Философия в такой традиции мыслится в лучшем случае как первоначальный этап

в деле духовного возрастания и постижения, которая отбрасывается, когда человек достигает более возвышенного уровня духовного или эстетического развития, предполагающего раскрытие сверхразумного начала.

К этому можно еще добавить несколько иное религиозному научное пренебрежение философией, считающее, что философия лишена той необходимой строгости и достоверности, которые не позволяют ей достигнуть истины, всецело находящейся в ведомстве науки. Философия – это «туманная метафизика», далекая от опыта, эксперимента и доказательств, не имеющая верной методологии исследования, поэтому ее раздумья и вопрошания совершенно не обязательны для научного познания. И вообще философия не научна, а если она хочет сохранить свое пребывание в мире, то лишь в качестве научной философии. И ведь сами философы, сдав свои позиции, немало потрудились над тем, чтобы превратить философию в науку, лишив ее тем самым всех ее родовых свойств и качеств, делающих философию уникальнейшим проявлением человеческой самобытности.

И, конечно же, обыденное сознание, сознание рутинное и повседневное, не воспринимает и не принимает философию на основаниях совсем простых: философия – это «заумь» и чудачество, не имеющее никакого практического значения. Недостигаемая высота и бездонная глубина философии пугают обывателя. Вот почему обыденность, ничего не зная о науке, больше доверяет ей и, совершенно не веря в религиозные истины, больше верит религии, иной раз отрециваясь от философии как от самого лукавого. Действительно, наука помогает «телу», религия утешает «душу»; философия же вносит смуту и неопределенность в сознание, которому нужны твердость и стабильность. Понятно, в чью пользу сделает выбор неискушенный ум.

Но если даже не обращать серьезного внимания на богословское отвержение философии, научное недоверие и обыденное презрение к ней, то необходимо видеть и понимать, что в самой философской среде, в той среде, которая творит философию, борется за честь ее мундира, считает *само имя философии святым*, часто воспринимают философию как рациональную деятельность, полагая ее наукой, пускай гуманитарной, но все же наукой. Дело не в том, что есть традиции рационализма и иррационализма в философии, а в том, что здесь нет должного понимания того, *что такое сам философский разум*. А философский разум – это то, что не имеет отношения ни к рационализму, ни к иррационализму, ни к сверхрационализму. Философский разум – достояние самой философии, в которой от разума в обыденно-научном представлении остается лишь одно слово, зато приобретаются те его свойства, которые доступны лишь с высоты философского взгляда на вещи.

Считать философию исключительно рациональной деятельностью, деятельностью системной, доказательной и т. д., смысл которой заключается в том, чтобы находиться в услужении у науки, религии, искусства, политики, экономики, культуры в целом, – значит предавать философию, уничтожая на корню всю ее неизъяснимую притягательность

чарующего воздействия на тех, кто еще способен мыслить, переживать и воспринимать существующее не как результат «естественных законов» природного мира, а как непостижимый Дар незаслуженного и немотивированного существования. В философии мир предстает не только как великая непостижимость, но и как великое чудо, приобщение к которому составляет бесконечную интригу нашего существования, в которой всякая рациональная деятельность, направленная на познание и самопознание, по крайней мере, отодвигается на периферию, уступая дорогу несравнимо более возвышенному действию философского эроса, который влечет к бесконечно-таинственным горизонтам Бытия.

Нужно признать, что *антифилософские* воззрения на природу самой философии и ее разума распространены настолько широко и глубоко даже в той культуре, которая была сформирована исключительно *благодаря* философии. То есть в культуре европейской, которая в силу некритических инерционных механизмов мышления считается исключительно христианской. Конечно, это правда, но только правда частичная. Христианской европейская культура стала благодаря тому, что в ней *уже* была *дохристианская философия*, в глубинах метафизического опыта которой уже было сформировано наивозможно полное представление о человеке – о его сущности и судьбе. Греческие философы, эти «христиане до Христа», смогли так глубоко постичь человека, что отныне все интеллектуально-духовные устремления европейской культуры вращаются вокруг эллинских прозрений в тщетных попытках открыть и добавить что-то новое, ранее неизвестное и неведомое к сущности мира и человека.

Но прибавить к этому уже нечего, можно только бесконечно вникать в суть метафизических откровений греков, что всегда и делала вершинная христианская мысль, которая просто немислима без античной философии. Христианство, конечно, может существовать и без философии, но о нем в таком случае никто не будет знать. Только философия выводит частно-интимный опыт религиозного переживания до всеобщего духовного универсализма всечеловеческого свойства.

Именно в этом универсализме и заключен главный смысл христианства, который без философии не был бы возможен. Часто забывают, умалчивают или не договаривают умышленно, что все основополагающие догматы и основы христианского вероучения были сформулированы, а значит продуманы на языке и в категориях древнегреческой философии. И не зря Апостол с торжественным величием духовного победителя, взирая на руины греческой культуры, был поражен, почти что обескуражен наличием в гуще языческого коловращения храма «неведомому Богу», само бытие которого бесконечно снижало, если не отменяло, революционное торжество новоявленного вероучения, претендовавшего на абсолютную новизну во всем устроении и понимании человеческой жизни и культуры.

Радикальной духовно-нравственной революции не произошло: человеческая природа не изменилась нисколько, и обмирщенное христианство,

забыв о своей духовной миссии, которая стала уделом единичных истинных представителей высокого христианства – аскетов и подвижников, – погрязло в бесконечно-мелочных спорах относительно того, можно ли христианам ходить в цирк, в баню, смеяться, развлекаться, читать античных авторов и т. д. Греческая философия, ведавшая о Неведомом, стала на пути победного шествия «христианской культуры», которое увенчалось репрессивным политическим актом закрытия философских школ. Отныне не христианство стало гонимой религией, а философия, которая, сдав свои позиции, пошла в услужение теологии, робко пробивая себе независимую дорогу, которую она пробивает до нынешнего времени.

Но что общего, как говорили встарь, между Афинами и Иерусалимом? Пожалуй, ничего. И если не лукавить, то не философия нуждается в христианстве, а христианство, дабы не превратиться в грубое суеверие и фанатизм, нуждается в философии. Но даже если христианство, лишенное философии, не превращается в фанатизм, то оно становится «домашней» (государственной) религией, очень теплой, уютной и комфортной, в которой нет ни «глубины», ни «высоты», заглядывать и подниматься до которых опасно, ибо чревато ниспадением в мрак бесконечного ужаса Бытия без ответов и без гарантий.

Нефилософское христианство, распространенное в мире в гораздо большей степени, в действительности есть жалкая пародия на подлинное христианство. Вот почему, когда политическое могущество христианских империй стало сходить на нет, то произошла скоростная «смерть Бога», расчистив пространство бесконечной «мелочности духа» европейского человека, который как будто никогда и не ведал ничего о христианстве и не был им воспитан. Поэтому считать философию лишь теоретическим (пускай даже и духовным) предварением к христианскому откровению – значит грешить против истины ровно настолько, насколько позволяет «чистая совесть» верующего и его, увы, недалекий, но «преображенный» ум.

Справедливым кажется и тот факт, что когда духовная энергия христианства перестала оплодотворять европейскую культуру в современную эпоху, как это было ранее, то последняя не прекратила свое существование. И вопреки нарастающему «кризису культуры», охватившему все уровни жизни европейского человека, сама жизнь этого человека, при всей, возможно, ее неподлинности и нравственном недостоинстве, не исчезает, и, смею заметить, не исчезает именно благодаря тому, что метафизическая энергия философии, идущая из греко-римского родника, не позволяет погибнуть окончательно духовной жизни современного европейца. Ибо где жизнь, там и дух; иной человеческая жизнь не бывает. И духовная жизнь современного «бездуховного» человека держится исключительно на незримых столпах философского делания. Современный атеист, далекий от философии, может быть умным и порядочным человеком не благодаря принципам абстрактного гуманизма и общечеловеческим ценностям, в которые он также не верит, как не верит в религиозные догматы, но благодаря ежемгновенной бессознательной ра-

боте философии, которая таинственным образом свершается в глубинах его духа, сохраняя в нем истинно человеческое начало.

Итак, взирая на историю отношений философии и христианства в реальной жизни культуры, можно уже точно подтвердить глубокую правду высказывания о том, что «Бог философов – это не Бог Авраама, Исаака и Иакова». Это не разводит философию и христианство на бесконечно-непроходимую пропасть, но достаточно четко очерчивает их метафизические контуры и границы, не позволяющие одно уподобить или свести к другому.

Если обратиться к искусству, в том числе и к христианскому, то стоит заметить, что оно всегда было привлекательно прежде всего не своей христианской тематикой, а художественным мастерством, помноженным на философскую глубину. Если из искусства изъять философское измерение, оставив, пускай даже и художественное дарование, то оно превращается в кичливый эстетический произвол, интересный только лишь для полных профанов или для «образованной черни». Это как раз то, чем больно современное искусство, лишившееся не христианской духовности, а философской глубины. И лишь полностью не исчезает искусство сегодня потому, что некоторые художники остаются еще и философами, сохраняя преданность философской мудрости, которая оплодотворяет всякий творческий гений.

Что касается науки и научного познания, то здесь следует сказать, что в те времена, когда наука «дружила» с философией, причем дружила так, что иногда грань между философией и наукой была практически незрима (философ-ученый или ученый-философ звучало как возвышенная целостность, достижимая лишь некоторыми), то наука пользовалась заслуженным уважением и авторитетом в обществе, поскольку могла создавать действительно разумную картину мира, в которой было место человеку в качестве уникального его начала. Когда наука рассталась с философией, то ее покинул философский разум, и ее миры стали чудовищно нечеловеческими и в общем-то абсурдными.

Вот почему мы сейчас имеем бесконечно быструю смену научных парадигм и научных картин мира, все более расставаясь с мечтой создать что-то наподобие «единой теории поля» и разочаровываясь в самой науке как претензии радикально изменить и улучшить человеческую жизнь. Отдельные научно-технические достижения не перекрывают общей неудачи науки относительно постижения мироздания и достижения истины, которая сделала бы людей счастливыми и свободными. Современный человек научной эры не более мудр, умен и добр, чем его донаучный предшественник, и не больше понимает устройство мироздания и человека, чем античные философы, которые достигали в этих вопросах несомненно большего.

Однако иллюзия всемогущества науки, ставшая «сциентическим утопизмом», завладела человеком настолько, что само имя науки стало священным, а ее выводы и рекомендации стали мировоззренческими принципами для большинства людей, потерявших всякий вкус и интерес к

метафизике, а значит, потерявших самих себя. Развод науки и философии оказался фатальным для науки, которая потеряла авторитет и уважение в тотальной постмодернистской атаке на логоцентризм. Потеряв философию, наука не могла противостоять постмодернистским издевкам и откровенному глумлению и вынуждена была уже сдружиться с эзотерикой так глубоко и серьезно, что сегодня границы между истинной наукой и псевдо-наукой практически незаметны.

Главный парадокс философии в том, что в ней нуждаются все, не понимая ее сути и не признавая ее значения. И если бы не таинственная глубь философии, далеко простирающаяся за пределы религиозной гордыни, научного неведения, вычурного эстетства и мешанской глупости, то философия уже давным-давно исчезла бы с лица земли как совершенно ненужная, даже вредная вещь и опасная вещь, идущая вопреки всем «нормальным» и «естественным» желаниям «человека разумного» поуютнее устроиться в мире «этом» или «том». Неуничтожимая сила философии – в ее абсолютной духовной незримости и институциональной слабости. Это самая бесприютная форма человеческого духа, которую все гонят, но обойтись без которой не может никто, считающий себя человеком. Оставаясь последним пристанищем человеческого бытия, философия всегда остается на самом дне человеческого присутствия, не давая ему слишком глубоко зарыться в «землю» или необоснованно высоко воспарить в «небеса».

Много причин особого бытия философии в мире. Не будет преувеличением сказать, что философия – это самая загадочная форма человеческого бытия, чье бытие столь человечно, что самим человеком и не замечается. Мы же не видим света, в свете которого видим мир; также мы не чувствуем смысла, благодаря которому существуем. Куда уж там до понимания таких вещей, что человек – существо преимущественно философствующее, что философия всегда при человеке, что человек существует лишь в качестве философа, что философия – самая важная для человека вещь и т. д. Этого никогда и никому не удавалось (и не удастся!) ни обосновать, ни, тем более, доказать.

Вообще все, что связано с философией, всегда так неопределенно и непонятно, что непонятно, как такая неопределенная форма духа продолжает свое существование, которой коллективное общественное мнение давно уже вынесло вердикт, заклеив философию такими уничижительными эпитетами, как «трёп» и «болтовня». Несмотря на все попытки злопыхателей, философия продолжает жить своей жизнью, давая максимально возможное счастье, утешение и понимание для тех, кто нуждается в сохранении своего человеческого достоинства. В этом один из глубиннейших парадоксов философии, а значит и самого человека, который, возможно, именно в философии и опознает и осознает свое существование как человеческое существование.

Мифов о философии испокон веков существовало множество. Всех их не развеять, да в этом нет и нужды. По-человечески иногда хочется защитить философию, но в том-то и дело, что философия в защите не нуж-

дается, ибо сам человек к ней вынуждается; время от времени каждому приходится давать самому себе честный ответ на вопрос о смысле своего существования. Как бы ни был человек отстранен от элементарной работы духовной жизни, свершающейся в нем, всегда наступает горький час его жизни, когда почва уходит из-под ног и привычное мироздание рушится на глазах, оставляя пыль и пепел от некогда уютных и стабильных конструкций его жизни. И здесь, кроме философии, человеку уже никто и ничто помочь не сможет. Обращаясь к философии, человек обращается к самому себе. Это последнее, к чему можно обратиться. Но это самое сложное, хотя и самое важное. Это, пожалуй, главное, чему учит философия. Можно научиться многому, но, не научившись главному, это многое превращается в прах.

Все же один миф, *миф о философском разуме*, можно попытаться хотя бы частично развеять. Тем самым еще раз напомнить, что ни к интеллекту, ни к научной рациональности философия не имеет никакого отношения. Более того, рациональность противна философии, как противна петля приговоренному к смертной казни через повешение. Радикализм этого суждения не означает, что философии вообще чужда рациональность и некоторая научность; здесь дело в самом понятии «разум», который в словосочетании «философский разум» являет собой нечто иное, чем «научный разум», даже «человеческий разум» с присущим ему здравым смыслом. Только в сочетании с философией разум приобретает те свойства, которые соответствуют его истинно человеческой сущности, которая находится по ту сторону научных, религиозных, художественных и всяких иных ее интерпретаций. Пожалуй, главная задача человека заключается в том, чтобы понять самого себя, понять человека как человека на его собственных человеческих основаниях, не сводимых к другим недочеловеческим или сверхчеловеческим основам. Это не гуманизм, который, бездумно игнорируя философию, лишь слагает пустые гимны человеческому достоинству, безосновно поливая воду на мельницу человеческой гордыни.

Разум как свойство человека, конечно, проявляет себя во всем, что касается человека. Все, что делает человек, есть в той или иной мере продукт его разумной деятельности. В некотором роде всякая (даже иррациональная) деятельность человека разумна, т.е. является деятельностью человеческого разума как атрибута человека, его неотъемлемой характеристики. Но в научно-обыденном и религиозном обиходе сложилась совершенно определенная точка зрения на *разум как на интеллектуальную деятельность человека*, которая строго переносится на философию. Но даже между просто разумом и интеллектом глубокая пропасть, не говоря уже о философском разуме. Интеллект – вообще некрасивое слово, мало что содержащее и почти ничего не отражающее, касающееся человека, его человеческой глубины. В лучшем случае интеллект – это механико-калькулирующая способность рассудка производить технические операции. Это нужно, в определенных ситуациях – важно, но совершенно беспомощно при попытке объяснить разум, тем более философский, с помощью интеллекта.

Не связан разум исключительно и с рациональной деятельностью человеческого мышления, а значит и к мышлению имеет слабое отношение. Про сознание и говорить не приходится; возможно, пропасть между разумом и сознанием еще большая, чем пропасть между разумом и интеллектом. Мышление и сознание есть продукты рациональной деятельности. Деятельности чего? Возможно, ума. Несомненно, ум есть более возвышенное и благородное слово, чем даже мышление, тем более сознание и интеллект. Но и ум не разум, ибо можно быть очень умным человеком, не понимая самой сущности того, что человек знает и понимает. К тому же к уму так и тянется эпитет «хитрый». Хитрый ум – то, что и является качеством по-настоящему умного человека. И без преувеличения можно сказать, что умный человек – это хитрый человек. Ну а хитрый уж точно умный.

Упомянули мы еще и такие слова, как «знание» и «понимание». И они не равны разуму философскому. Знание без понимания ничто; это сумма эмпирических фактов, количественное увеличение которых приводит к оглушению человека. Знание неизбежно вырождается в эрудицию и информацию, которая создает чудовищную пустоту бесконечных фактов, в своей совокупности не отражающих и не раскрывающих никакую сущность. Информация вообще не имеет отношения к миру, тем более к бытию. Информация – это евнух сознания, обслуживающая нужды современных евнухов духа.

Понимание – безусловно, важное, даже величественное свойство человека. Мало знать и осознавать, необходимо еще и понимать то, что знаешь и осознаешь. Но понимание ограничено лишь «предметом понимания», раскрытием его свойств и закономерностей, и в этом смысле понимание имеет весьма ограниченный диапазон применений. Стоит только понимание применить к таким вещам, как жизнь, смерть, любовь, страдание и т.д., то как раз понимание-то кончается, открывая здесь простор философскому разуму.

Есть еще, самое, возможно, последнее и высокое понятие, которое просто так и влечется к философии. Это мудрость. Да и сама философия, если считать поверхностную семантику, есть не более чем «любовь к мудрости». Так и рассматривают философию бесконечное количество ее друзей и недругов, не понимая, что если только *так* понимать философию, то она утрачивает самое важное свое свойство, не позволяющее ей исчезнуть из орбиты человеческого существования. Но традиция понимать философию как «любовь к мудрости» приобрела уже догматический характер внутри самой философии. Стерлись следы древней метафизики, которая совершенно по-иному понимала философию. Непотаенный простор сущего, явленный как таинственная очевидность бытия, уже не удивляет и не поражает «любомудров».

Дело здесь даже не в том, что не понятно, что такое мудрость (это отдельный вопрос), а в том, что в мире есть мудрецы, их много, они хорошо всем известны. Мудрость разлита по миру широкими потоками религиозных правоучений, научных прозрений и художественных озарений. И

если философия есть лишь любовь к мудрости, то это не лучший и не высший вид человеческой деятельности, потому что при достижении мудрости нужда в философии отпадает, а если философ так и не достигает мудрости, то это какой-то странный и скорее всего недалекий человек, не понимающий, что так много мудрости вокруг. Стоит только оглянуться и увидеть ослепительный блеск религиозного Откровения, притягательную эвристичность научного Познания или чарующую красоту Искусства, в которых так много мудрости, что «любовь к мудрости» становится каким-то жалким и ничтожным довеском к уже достигнутому зрелым и великолепным формам, в которых явлена вся полнота уже не человеческой, но божественной мудрости.

Не будем поддаваться давнему искушению дать определение философии, укажем лишь на то, что философия больше недоумевает, удивляется и вопрошает, чем ищет мудрость. Мудрость – это в определенной степени закрытая духовная система, которой идти дальше некуда, поскольку мудрец – он же и предел мудрости, высший уровень исканий и вопрошаний. И достигший мудрости, тем более «высшей мудрости», становится духовно мертвым человеком. При том, что это может быть очень умный, знающий и понимающий человек с огромным интеллектом и уровнем мышления. Если в мире и есть подлинная мудрость, то это мудрость, отрицающая саму себя, не позволяющая своему слову становиться словом самой истины. Попросту, мудрость в том, чтобы не быть мудрым.

Исходя из вопрошающей и открытой сущности философии, можно даже сказать, что философия – это не любовь к мудрости, это скорее ненависть к мудрости как возможной остановке вечного поиска истины, что и составляет главный нерв философствования, который определяет уникальный способ человеческого пребывания в мире. Ненависть к мудрости, и особенно к мудрецам, в действительности и была всегда главным, но невидимым зерном философии, благодаря которой она привлекала к себе истинно честных и глубоких людей. Но, увы, это изгой, своего рода «культурные люмпень» и «метафизические пролетарии», одиноко скитающиеся в бесприютных лабиринтах такой сытой и обеспеченной мирской суеты.

Здесь в самый раз сказать о философском разуме, о его отличии от рациональной деятельности, интеллектуальных способностей и ведающей мудрости. И, в том числе, от сверхразумной способности религиозной веры. Наука низводит разум до уровня интеллекта и знания, религия возвышает его до Божественной сущности, убивая тем самым все его человеческие свойства; и лишь философия спасает разум как истинно человеческое свойство постигать свою бытийную ситуацию. Человеческая ситуация – это бытийная ситуация, даже предельный случай бытийной ситуации, и эта истина о человеке открывается философскому разуму.

Философский разум никоим образом не характеризует человека как разумное существо («человек разумный»). Человек как раз по большей мере неразумный, а если разумный, то чаще корыстный и прагматичный, нежели умный и добрый. Философский разум свидетельствует о *вопрошающем свойстве человека*, т.е. о его способности говорить о выс-

шем и предельном. Значит, он выявляет в человеке способности высшего вопрошания и высшего говорения, иначе говорить о том, о чем в принципе говорить уже невозможно, но также невозможно и не говорить. А как говорить, если говорить нужно, но невозможно?

В этом проявляется несомненное преимущество философского разума перед разумом научным и религиозным. Научный разум, дойдя до границы вопрошающей сущности человека, предела его познания, за которым знания превращаются в ничто и открывается ужасающая бездна незнания и непонимания, либо уходит в эзотерику (псевдо-науку), либо невозмутимо заявляет о том, что в будущем наука сможет раскрыть то, что сейчас пока еще невозможно в силу неразвитости тех же технических средств. Тем самым научный разум застраховывает себя от безответной метафизики, идти по которой его вынуждает философская честность.

Религиозный разум, исчерпав все ресурсы веры, так и не став «верующим разумом», превращается в обычный разум, обладающий некоей суммой конкретных знаний о предметах веры, в которые верующий уже не верит, но знает их. Если же религиозный разум, дойдя до пределов веры, продолжает идти философским путем поиска истины, то он выпадает из канонической традиции религии. В лучшем случае он становится ересью, в худшем – фанатичным сектантством. В любом случае религиозный путь «верующего разума» или «разумной веры», подойдя к предельным вопрошаниям (если, конечно, он сможет к ним подойти), вынужден будет либо порвать с религией как единственным путем к истине, либо свернуться в уютно-привычный богословский кокон, в котором даны все ответы на все вопросы.

Философский разум, даже если и молчит, подойдя к пределу вопрошания, все равно вещает о безымянном на своем особом языке философии. В определенном смысле философский разум – это преображенный разум науки и религии, который сбрасывает с себя предрассудки своих традиций и честно взирает на сущее, говоря о нем то, что исходит из *нравственной сути человека*, а не из догматов традиции, какими бы они великими и почтенными не были. Истина философского разума – это *истина самой истины*, а не истина какой-то традиции, которую полагают истинной. Разум приобретает свое истинное величие и достоинство лишь в свете философии, которая дает возможность разуму не ограничиться математической работой сознания, а воспринять живую духовность мироздания, нашедшую в человеке свое наивысшее воплощение.

Это возможно лишь в том случае, если увидеть разум в неразрывной сцепке с Бытием, а не с мышлением (и так далее – с сознанием, пониманием, интеллектом). Философский разум – это разум, понимающий (или лучше – разумеющий) и переживающий *бытийную сущность человека*. А бытийная сущность – это бытийная ситуация. Хочешь или не хочешь, но все мы находимся, прежде всего, в Бытии, и лишь потом каждый выбирает себе собственное пристанище согласно его эстетическим вкусам, метафизической развитости и нравственной искренности: природу, культуру, государство, Царство Небесное.

То, что пошло под титулом «тождества бытия и мышления», есть результат деятельности философского разума, который единственно понимает, что мыслить и быть – одно и то же. Естественно не в смысле «мыслю – значит существую», а в смысле того, что *есть бытие*. То, что это самая простая и очевидная истина, истина бытия, являющаяся смысловым воздухом существования, никем не замечается, кроме философии, чье назначение в этом-то как раз и заключается. То, что есть бытие, как раз игнорируется наукой, недооценивается религией, не понимается искусством и не замечается обыденным сознанием.

Понять, осознать, промыслить Бытие невозможно в рамках ни одной из вышеперечисленных форм. Только философский разум ставит перед собой эту непосильную задачу – мыслить Бытие. А мыслить бытие – значит в нем соучаствовать и переживать свое соучастие. Сочувственное переживание всегда вызывает два истинно философских состояния – *удивление* перед чудом бытия и *страдание* перед его несовершенством. Этика и онтология – это две грани единого философского мировосприятия, продукты философского разума. Постигать бытие философским разумом – это значит постигать его *целостно*, всеми силами души и ума, и рационально и нравственно. Одно от другого неотделимо.

И в этом смысле философский разум, радикально отличающийся от всех иных свойств мышления, включает их, выходя за их пределы, даже прорываясь к двум подлинным состояниям – удивлению и страданию. Философский разум способен удивляться и страдать так, что это свидетельствует о человеке как уникальном существе, способным на такое. В этом смысле философский разум – это особый орган философского восприятия, включающий и теоретическую рефлекссию над чудом нашего существования, и нравственное переживание за его несовершенство. Разве способны на такое научный разум и здравый смысл?

Философское удивление не равно научной любознательности, а философское страдание не равно психологическому переживанию боли. Философский разум – это нравственное переживание чуда и теоретическое понимание страдания; в нем непостижимым образом теоретическое переплетается с нравственным, образуя единое целое. Теория вне нравственности – это наука, нравственность вне теории – это мораль или психологическая эмоция. Но когда теория и нравственность образуют единое целое, тогда и появляется свехвосприятие бытия, т.е. философское восприятие, восприятие бытия как чуда и страдания. И это есть свойство *философского Разума*, т.е. *разума бытийного*, раскрывающего все интеллектуально-духовные, религиозно-эстетические и прочие свойства человека и выводящие их на новый уровень.

Можно удивляться многим чудесам в мире, но вот удивиться самому миру, т.е. самому Бытию, возможно только философским разумом. Только философский разум способен на детское изумление перед чудом бытия, перед его очевидной *естественной неестественностью*. Также можно страдать от многих проявлений зла в мире, но вот страдать от самого Бытия, видя не только его великолепие и тайну, но и болезнь, мож-

но также лишь философским разумом. Страдающий разум философии способен на теорийное постижение чуда бытия. Знания рождают скорбь, но страдания рождают знания, высшие знания, доступные философскому разуму, способному проникать в глубь самого Бытия.

Проникнув в него, философский разум не постигает ничего сущностно достоверного, кроме изумляющей рассудок истины, что бытие есть. А почему есть, остается закрытым и для философского разума. Но философский разум, в отличие от научного и религиозного, смиряется перед этой великой истиной незнания, которую можно назвать тайной самого Бытия. И это смирение дает возможность осуществлять свою бытийную жизнь, т.е. жизнь подлинную, что всегда было искомым целью философии. Не случайно мышление самого бытия воспринималось философствующими греками как акт благочестия, приобщившись к которому человек приобщался к высшему свету истины, исходящему от бытия через философский разум.

Философский разум – это высший разум человека, в котором раскрываются его лучшие человеческие свойства, на которые не способны другие (частичные и осколочные) проявления разума: интеллект, сознание т.д. Даже воля, которую иногда ставят выше разума, придавая ей субстанциональную значимость в философии, не способна на удивление и страдание. Воля волит воление, т.е. принуждает нас к действиям, а не к размышлениям и переживаниям. В этом смысле воля теоретически слепа и нравственно глуха, и ее вектор не всегда направлен в сторону Бытия и истины. Движение воли может носить и чисто негативный характер по отношению к бытию. А выбор жизни не есть решимость воли, но результат нравственно-философского решения быть.

В этом смысле философский разум – это мега-разум науки, религии и искусства, это уже и не разум, но свойство самой философии говорить. Но говорит философия все же посредством разума, но разума исключительно философского. Вот почему философские истины, максимы и сентенции, а чаще размышления и вопрошания недоступны научному разуму и религиозной вере, которые всегда ограничены авторитетом своих традиционных истин.

Философский разум возвещает истину высшего порядка – истину самого Бытия, которая не ограничена никакими посторонними или потусторонними границами, но стремится в бездонный океан сущего. Чтобы возвестить такую истину, необходимо мужество разума, его честность и бескорыстие – свойства, которыми одаривает его философия. И поэтому нельзя никоим образом путать философский разум с его низшими собратьями – разумом научным, религиозным, художественным и здравым смыслом.

Философский разум в конечном счете – это разум философии, которая не может быть не разумной; но это высшая разумность, в которой нет здравого смысла, основанного на корыстном расчете, и нет безумия иллюзорных утопий, надеющихся на благодать незаслуженного обретения вечности, а есть сила и крепость мужественного предстояния истине, ко-

торая сообщает нашему существованию его высший смысл. И даже если эта истина сурова, страшна и нелицеприятна, философский разум может выдержать все испытания, выпадающие на долю человека, не ввергнув его в отчаяние, но даровав ему стойкость в обретении смысла.

Философский разум – это неутомимый поиск истинной жизни, в которой открывается человеку его личная вечность или личная конечность; в сущности, это не важно – вечность или конечность; важно, что это личное, сущностное, родное. Родное не выбирают, если родная конечность, что ж, философский разум найдет средства принять и это. Иначе, философский Разум дарит человеку высшую и исключительную привилегию *быть человеком*.

Воронежский государственный университет

Варава В. В., доктор философских наук, профессор факультета философии и психологии, член Союза писателей России

E-mail: vladimir_varava@list.ru

Тел.: 8(473) 264-82-64

Voronezh State University

Varava V. V., Doctor of Philosophy, Professor of the Philosophy and Psychology Faculty, Member of the Russian Writers' Union

E-mail: vladimir_varava@list.ru

Tel.: 8 (473) 264-82-64